© ***Астафьева Е.М.***
ИВ РАН

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ и ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЮВА с РОССИЕЙ, КИТАЕМ и США

12 апреля 2017 г. в Институте востоковедения РАН состоялась Научная межинститутская конференция «Новые тенденции и перспективы экономического и политического сотрудничества стран ЮВА с Россией, Китаем и США», организованная Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель директора ИВ РАН Белокреницкий В.Я.

В конференции приняли участие ученые из различных академических и научно-исследовательских институтов, в частности, специалисты из ИВ РАН, НИУ ВШЭ, НИУ МЭИ, Института стран СНГ, РИСИ, ИДВ РАН, ИМЭМО РАН, ИСАА МГУ, РГГУ.

Работу конференции открыл заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, доктор исторических наук *Д.В. Мосяков.* В своем выступлении на тему *«Некоторые парадоксальные тенденции в политическом и экономическом развитии стран ЮВА»* он отметил, что при анализе последних событий в странах АСЕАН возникает ощущение некоего парадокса. Суть его в том, что, с одной стороны, экономические связи стран АСЕАН с Китаем значительно возрастают, а с другой – наблюдается стагнация, или даже сокращение (например, в Бирме) прокитайских настроений. Другими словами, с точки зрения экономических позиций Китай усиливает свое влияние в странах АСЕАН, а политически и особенно социокультурно его позиции не только не усиливаются, а в лучшем случае находятся на том же самом уровне[1].

А.А. Рогожин (НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова) в докладе *«Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы»* подчеркнул, что первые шаги президента США Дональда Трампа во внешнеэкономической сфере вызвал в странах ЮВА определенное беспокойство, хотя и разной степени. В первую очередь это касается выхода США из Транстихоокеанского партнерства. В этой связи в регионе начат поиск альтернативных вариантов регионального экономического сотрудничества: ускорение переговорного процесса в рамках Регионального комплексного экономического партнерства (РКЭП), активизации в регионе Японии и Индии, вовлечение в процессы регионального сотрудничества стран бассейна Индийского океана и др.

В настоящее время экономическое сотрудничество стран ЮВА и США осуществляется лишь на двусторонней основе и, как показывают приведенные докладчиком расчеты, оно в целом благоприятно для них. В первую очередь это касается торговли: ее отличает стабильность (в 2011-2015 гг. доля США в совокупном внешнеторговом обороте колебалась в диапазоне 8,1-9,3%) и постоянно растущее положительное сальдо для стран региона (в тот же период оно превышало 21 млрд долл. в среднегодовом исчислении). Товарная структура взаимной торговли вполне благоприятна для стран ЮВА: в их экспорте в США 75% составляют машины, оборудование и готовые промышленные изделия, а в импорте из США почти 80% – это машины, оборудование, транспортны средства и химтовары. Докладчик оценил перспективы экономических отношений стран ЮВА как благоприятные[2].

В выступлении *Сведенцова В.Л. (*РИСИ*) «Треугольник Россия-Китай-США: возможности для России в условиях "новой реальности" президента Трампа»* указывалось, что президент Д. Трамп неоднократно критиковал «поворот в Азию», предыдущей американской администрации, который, по его словам, «полностью провалился из-за сокращения расходов на флот», слабости и непоследовательности администрации американского президента Б. Обамы. Вместе с тем, подчеркнул докладчик, нельзя сказать, что Трамп полностью порывает с «поворотом в Азию». Трамп не собирается сворачивать американ-

ский зонтик безопасности над своими союзниками в Азии. Политика президента Трампа в отношении китайских властей будет характеризоваться двумя моментами. Во-первых, «США больше не будут приносить экономику в жертву внешней политике, реализуя проекты Транстихоокеанского партнерства и Североамериканской зоны свободной торговли». Действительно, один из первых указов президента Трампа – это указ о выходе из ТТП. Во-вторых, президент Трамп вернется к концепции «мир через превосходство в мощи», существовавшей при президенте Р. Рейгане. И она подразумевает резкое наращивание военных расходов, прежде всего через увеличение количества военных кораблей и призыва к союзникам США, прежде всего Японии и Южной Корее, увеличить свой вклад в создание американского «военного кулака» в регионе. Неслучайно отставной генерал-лейтенант и «морской котик» Джеймс Мэттис совершил свой первый визит в качестве министра обороны США в Республику Корея и Японию. В заключение, В.Л. Сведенцов выдвинул предположение, что эта американская активность в АТР приведет к сокращению американской активности в других регионах.

Бойцов В.В. (ИСАА МГУ) выступил с докладом *«Позиции России, США и Китая во внешнеэкономических связях стран ЮВА во втором десятилетии XXI в.».* Он отметил, что, несмотря на относительно быстрые темпы расширения внешнеэкономического сотрудничества стран ЮВА с Россией, ее удельный вес во всем объеме внешнеэкономических связей этих стран остается крайне незначительным. Так, доля России в экспортной торговле стран ЮВА к середине 2010-х гг. достигла всего 0,4%, а в импортной – 1,4%. В то же время удельный вес Китая в экспортных и импортных операциях этих стран увеличился соответственно до 11,6% и 17,5%, что позволило ему стать крупнейшим торговым партнером этих стран, оттеснив с ведущих позиций как Японию, так и США. Последние, однако, хотя и снизили свой вклад в международную торговлю стран региона, сохранили в ней достойное место, обеспечивая 9,5% их экспорта и 7,3% импорта, что позволило им закрепиться в этих странах на третьей позиции в их экспорте и на четвертой в импорте. В результате, несмотря на опережающие темпы роста

внешнеторговых операций стран ЮВА с Россией, абсолютный разрыв между объемами торговли этих стран и Россией, с одной стороны, и величиной их внешнеторговых операций с Китаем и с США, с другой, значительно увеличился – в экспорте с Китаем до 145 млрд. долл. и с США до 117 млрд. долл. и в импорте – соответственно до 199 млрд. долл. и 77 млрд. долл.

Еще менее благоприятная ситуация для России сложилась в сфере международного перемещения капитала. Если ввоз прямых инвестиций из Китая в страны ЮВА с 2010 по 2015 гг. увеличился в 2,4 раза, а их приток из США сохранился практически на прежнем уровне, то из России он не только не возрос, но, напротив, сменился к середине десятилетия устойчивым оттоком. Докладчик подчеркнул, что при сохранении нынешней тенденции уже в относительно недалекой перспективе можно ожидать изменений в соотношении объемов китайских и американских прямых инвестиций, размещаемых в ЮВА, в пользу китайских и дальнейшего ослабления позиций российского капитала.

Подводя итог, В.В. Бойцов подчеркнул, что укрепление позиций России во внешнеэкономических связях стран ЮВА в ее пользу имеет перспективу только в случае существенных изменений в ее хозяйственном облике и смене приоритетов отечественного бизнеса.

Н. Г. Рогожина (НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова) в докладе *«Мягкая дипломатия Китая в Юго-Восточной Азии»* подчеркнула, что КНР пытается использовать «мягкую силу» для повышения привлекательности страны и улучшения ее имиджа с тем, чтобы расширить ее влияние в мире в целом и в ЮВА, в частности, с этой целью используются такие инструменты политики как культура, образование, идеологические концепции и ценности. Китайское руководство полагает, что без использования «мягкой силы» КНР не сможет стать великой державой и укрепить свои экономические позиции за рубежом. Хотя эффективность использования «мягкой силы» Китаем в целом невысока (по этому показателю страна в 2016 г. лишь 26-е место в соответствующем мировом рейтинге), однако применительно к ЮВА этот показатель, скорее всего, намного выше. Большинство населения стран ЮВА (за исклю-

чением Вьетнама) признает, что КНР оказывает сильное влияние на них, хотя в регионе доминирует в целом позитивное отношение к этому процессу. Н. Г. Рогожина дала анализ рисков, связанных с использованием китайской «мягкой силы», для стран ЮВА[3].

В докладе *«Кодекс поведения в ЮКМ – химера или шаг в правильном направлении?» Локшин Г.М.* (ИДВ РАН) указал, что страны АСЕАН в 2016 г. получили от Китая обещание завершить переговоры о рамочном проекте Кодекса поведения сторон (*англ.* COC) в Южно-Китайском море (ЮКМ), который призван заменить собой оказавшуюся неэффективной Декларацию (DOC), подписанную в Пномпене 4 ноября 2002 г. Докладчик проанализировал позиции сторон в процессе работы над Кодексом, перспективы его принятия и возможное значение. В частности, Г.М. Локшин рассмотрел общую позицию провозглашенного 31 декабря 2015 г. Сообщества АСЕАН в отношении территориальных споров в ЮКМ и особенности политики государств-членов в сложившемся треугольнике Китай-АСЕАН-США. Далее он остановился на неудавшихся попытках установить стабильный правовой режим в ЮКМ на долгом пути от подписания DOC 2002 до начала переговоров по проекту Кодекса, а также на событиях 2012-2013 гг. и усилиях Индонезии по преодолению возникшего кризиса в АСЕАН, объявлению первого (нулевого) проекта Кодекса. Особое внимание докладчик уделил анализу влияния вердикта Постоянного арбитражного суда в Гааге на переговоры по Кодексу и перспективам его принятия в свете изменения обстановки в ЮКМ в 2016-2017 гг. В заключение Г.М. Локшин сделал вывод о том, что в создавшихся условиях принятие Кодекса маловероятно, а продолжение переговоров для одних служит отвлекающим маневром, а для других – возможностью сохранить диалог с Китаем по проблемам безопасности в ЮКМ[4].

Я.В. Мищенко (МГУ) в докладе *«Сотрудничество и конкуренция России и Японии в борьбе за энергетические рынки стран Юго-Восточной Азии»* отметила, что в настоящее время в Восточной Азии в целом, и в Юго-Восточной Азии, в частности, развивается сложное, многоуровневое, состоящее из многих звеньев и большого количества участников взаимодействие

в области энергетики. Россия традиционно выступает на глобальном энергетическом рынке как экспортер энергетического сырья и энергоресурсов, а Япония является одним из покупателей российских энергоресурсов на восточном направлении. Докладчик особо подчеркнула, что российские энергоресурсы могут стать потенциальным фактором смягчения и улучшения усложняющейся энергетической ситуации в Японии, возможным подспорьем в преодолении дефицита энергоресурсов в регионе. Вместе с тем, Россия стремится трансформировать, расширить свою роль на энергетических рынках стран региона – и выступать уже не только в качестве поставщика энергоресурсов, но также поставлять в страны региона продукцию энергетического машиностроения, передовые энергосистемы. На данном этапе в продукции российского энергомашиностроения наиболее заинтересован Вьетнам, потенциально могут проявить заинтересованность и другие страны АСЕАН. Вместе с тем стремление РФ выйти на рынки стран региона в качестве поставщика энергосистем может натолкнуться на противодействие Японии. Докладчик пришла к выводу, что Япония вряд ли станет «проводником» России на энергетические рынки региона, так как сама стремится получать подобные контракты и может воспринимать Россию как потенциального конкурента на этих направлениях. Вместе с тем, уже есть примеры партнерства России и Японии на энергетических рынках ЮВА (например, создание российско-японско-вьетнамского консорциума VRJ-Petroleum Co, которое занимается разведкой нефти во Вьетнаме). Какая из тенденций – сотрудничество или конкуренция – будет превалировать во взаимодействии России и Японии на энергетических рынках стран ЮВА – актуальный и интересный вопрос исследования.

Л.С. Рубан (НИУ МЭИ) представила доклад *«Энергетическое сотрудничество Малайзии со странами АТР и мира в целом».* В своем выступлении докладчик проанализировала энергетическую ситуацию в Малайзии в период с 2006 по 2016. Для характеристики деловой активности компании «ПЕТРОНАС» в нефтегазовой сфере, производстве сжиженного природного газа и электроэнергетике в Малайзии и других странах были использованы экспертные мнения. Л.С. Рубан рассказала о разви-

тии нефтегазовой отрасли в Малайзии, о ресурсной базе углеводородов в стране и ее изменениях, о разведке и добыче нефти и газа, их экспорте за рубеж, развитии нефтехимии и нефтепереработки, трубопроводного транспорта и танкерного флота в этой стране, лидером энергетики которой является компания ПЕТРОНАС. Также в выступлении была проанализирована зарубежная деятельность компании в более чем 30 странах мира (в АТР, Африке, Европе, Северной и Латинской Америке, Каспийском регионе и Центральной Азии и др.)[5].

С докладом на тему *«Китайская "дипломатия добрососедства": курс на выстраивание особых отношений с АСЕАН»* выступил *Л.В. Гладченко* (РИСИ). Докладчик указал, что развитие отношений с АСЕАН является частью общей стратегии КНР по формированию «пояса добрососедства» по периметру своих границ, которая обоснованно рассматривается в числе главных приоритетов внешней политики нынешнего китайского руководства.

На текущем этапе происходит заметная активизация усилий Пекина по сближению сторон на платформе пространственной близости, цивилизационно-культурной общности, стремлению к взаимодействию на основе разделяемых интересов и признаваемых ими институтов в сфере экономики, торговли и безопасности. При этом в Пекине подчеркивают отсутствие собственных лидерских амбиций в этом процессе и готовность признавать «центральную роль» АСЕАН.

В качестве главного ресурса, привлекаемого Китаем для решения этой задачи, выступает экономический фактор. Согласно экспертным заключениям, в настоящее время Китай стал «ключевым экономическим партнером для всех членов «десятки». С выдвижением транспортно-логистического мегапроекта «Один пояс – Один путь» доктрина «добрососедства» оказалась поднята на более высокий уровень и получила новое наполнение.

Китай выдвигает собственные, альтернативные западным, концепции развития ряда азиатских регионов, в частности, странам ЮВА, которым Пекин предлагает стратегию «соразвития», подкрепленную значительными материальными ресурсами. Однако налицо резкое увеличение отрицательного сальдо

торгового баланса стран АСЕАН с КНР, что ведет к выстраиванию в регионе модели «китаецентричного» порядка.

Докладчик приходит к выводу, что отношения КНР-АСЕАН все более выходят за рамки традиционных межгосударственных отношений и приобретают новое качество. Перспектива образования «сообщества единой судьбы» КНР и АСЕАН, как в заключение подчеркнул Л.В. Гладченко, призвана стать прообразом одного из новых центров формирующейся полицентричной мировой системы, ядром и опорой которой будет выступать Китай.

Работу первой секции конференции завершили сотрудники МГИМО (У) МИД РФ *Е.В. Колдунова,* выступившая с докладом на тему *«АСЕАН: проблемы и перспективы развития в новых геополитических условиях»* и *В.В. Сумский* с докладом *«О предпосылках стратегического партнерства России и АСЕАН».*

А.Ю. Другов (ИВ РАН), представивший доклад *«Индонезия: реакция на перемены в США»,* открыл работу второй секции конференции.

Докладчик указал, что бывают политические события, значимость которых неожиданно выходит за их границы, и они играют роль неких индикаторов, позволяющих проявляться процессам и явлениям, казалось бы, напрямую с ними не связанным. В применении к Индонезии таких событий в последнее время было, по крайней мере, два: губернаторские выборы в Джакарте, заслуживающие отдельного скрупулезного рассмотрения, и президентские выборы в Соединенных Штатах Америки.

Отношение индонезийцев к США всегда было двойственным. Оно определяется, с одной стороны, необходимостью считаться с политической, экономической и военной мощью этой сверхдержавы и, с другой, постоянными латентными опасениями, что, если в какой-то момент собственные интересы США этого потребуют, Америка без колебаний пойдет на попытку смены режима в Джакарте, скорее всего, под предлогом насаждения демократии.

В настоящее время, как особо подчеркнул докладчик, некоторые индонезийские аналитики считают, что у Индонезии

есть три пути. Первый – встать на сторону США против Китая, чтобы вооруженные силы страны могли бы сотрудничать в сфере разведки и отслеживания передвижений китайских кораблей в прилегающих водах.

Противоположный вариант – Индонезия окажется втянутой в орбиту действий Китая в морских пространствах. При этом отмечается, что КНР всячески стремится к такому развитию событий и к сотрудничеству с Индонезией. Наконец, третий, нейтральный выбор – неуклонная самоидентификация Индонезии как нейтрального государства.

В целом, в политическом руководстве страны возобладала точка зрения, что Индонезия должна исходить из вероятности серьезных изменений во внешнеполитическом и внешнеэкономическом курсе Соединенных Штатов и необходимости формировать собственный курс с учетом этих изменений.

В заключение А.Ю. Другов отметил, что есть основания говорить о некотором более очевидном проявлении антиамериканских настроений в обстановке, сложившейся после президентских выборов в США[6].

С докладом на тему *«Перспективы развития ядерной энергетики в Индонезии»* выступил *А.В. Попов* (ИВ РАН).

Докладчик указал, что в соответствие с долгосрочной Программой развития экономики Индонезии на 2005-2025 гг., потребности в электроэгнергии в Индонезии к 2025 г. составят не менее 115.000 Мвт. Нынешнее руководство страны в настоящее время реализует 5-летнюю программу по созданию новых энергомощностей в объеме 35.000 Мвт, которая, и это уже очевидно, вовремя реализована не будет, что ставит вопрос и о развитии в стране атомной энергетики.

Президент страны Джоко Видодо и подконтрольное ему Министерство энергетики и минеральных ресурсов Индонезии выступают против строительства АЭС, ссылаясь на Постановление правительства №79/2014 «О национальной политике в области энергетики» от 17 октября 2014 г., в котором сказано, что атомная энергетика является самым последним вариантом из альтернативных видов энергетики, которая будет развиваться, если только прочие ее виды не смогут получить дальнейшего развития.

В настоящий момент в Индонезии работают три исследовательских реактора: в Бандунге, Джокъякарте, а также в Серпонге. Все они были построены по американской и западногерманской технологиям. В Серпонге также планируется сооружение и нового исследовательского реактора мощностью 10 Мвт, подготовка ТЭО которого осуществлялась при участии Росатома. Соглашение между Россией и Индонезией «О сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии» было подписано 1 декабря 2006 г. во время визита в Москву президента Сусило Бамбанга Юдойоно. Индонезия проявляет большой интерес к технологии плавучих АЭС, которая успешно развивается в России.

Подводя итог, А.В. Попов отметил, что крайне активно относительно строительства АЭС в Индонезии ведет себя Китай, который готов взять на себя практически на 100% финансирования, а также максимально использовать при строительстве АЭС и компоненты местного производства.

О.Л. Петрова (ИВ РАН) представила доклад *«Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений».*

Китайская диаспора в Индонезии, как отметила докладчик, является одной из наиболее крупных зарубежных китайских сообществ и занимает важное положение в социально-экономической структуре страны. Несмотря на то, что индонезийские китайцы составляют менее 3% населения страны, они являются доминирующей силой в экономике, другими словами, доля их участия в экономической деятельности статистически несоизмерима с их численностью. Это вызывает возмущение, а в некоторых случаях негодование со стороны остальной части населения (явление, часто упоминавшееся во время правления президента Сухарто как «социальная зависть»).

Китайскому меньшинству в Индонезии сейчас, с одной стороны, стало «легче дышать», но с другой, они все так же подвергаются дискриминации, иногда принимая слишком близко к сердцу то, что дискриминацией не является. Порой возникающие антикитайские движения являются умелым инструментом в руках политиков в борьбе за свои интересы и доходные места.

Басуки «Ахок» Чахая Пурнама – первый этнический китаец, ставший губернатором Джакарты, и первый немусульманин, занявший этот пост за последние полвека. Ахок был обвинен в богохульстве и осквернении ислама, когда использовал одну из сур, чтобы якобы ввести в заблуждение избирателей ради увеличения своих шансов на победу. Это происшествие развязало волну антикитайских настроений по всей стране. Многие этнические китайцы с тревогой следят за событиями в столице. Такого напряжения и тревоги, особо подчеркнула О.Л. Петрова, не было с 1998 г., когда по всей стране прокатилась волна китайских погромов и кровавых столкновений между мусульманами и христианами[7].

Доклад *«Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи»* представила *Н.Н. Бектимирова* (ИСАА МГУ). В своем выступлении она указала, что при реализации внешнеполитического курса нейтралитета, закрепленного в конституции страны, власти Камбоджи традиционно придерживались политики балансирования между ведущими внерегиональными и региональными державами. Важнейшее место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи занимали отношения с США, которые при администрации Б. Обамы получили новый импульс и достигли, по словам премьер-министра Хун Сена, невиданного доселе подъема. Позитивное выстраивание отношений с США было особенно важным лично для Хун Сена, так как служило дополнительным фактором легитимации его сверх длительного правления. Подъем двухсторонних отношений с США – экономических, политических, гуманитарных Хун Сен считал своей особой заслугой. Большое значение премьер придавал начавшемуся с 2010 г. сотрудничеству в военной области и сфере безопасности.

В ходе американской избирательной кампании Хун Сен «болел» за Трампа, предрекал ему победу и с большим воодушевлением встретил избрание республиканца на пост президента. Однако именно с приходом к власти администрации Трампа, у которой пока отсутствует четко выраженная линия в отношении стран ЮВА, у Камбоджи возникли определенные трения в отношениях с США. Они выразились, в частности, в односторонней отмене Камбоджей совместных военных учений

«Ангкор Сентинел», в появлении устойчивой антиамериканской риторики в публичных выступлениях Хун Сена, в отказе принимать депортированных из США кхмерских граждан и др.

Подводя итог, докладчик подчеркнула, что возникновение антиамериканских мотивов во внешнеполитической деятельности правящих кругов Камбоджи обусловлено целым рядом причин как внешнего, так и внутреннего характера. К наиболее важным, в первую очередь, следует отнести приближение в Камбодже очередного избирательного цикла.

Е.А.Фомичева (ИВ РАН) в своем докладе *«Внешняя политика военного правительства Таиланда: пределы маневра»* указала, что военный переворот в мае 2014 г. и сформированное после него военное правительство создали определенные проблемы для таиландской внешней политики в связи с реакцией стран Запада и, прежде всего, США. Давние американские партнеры Таиланда объявили о некоторых санкциях против Таиланда в торгово-экономической и даже военной сфере. Россия, так же как и Китай, подтвердили, что для этих стран важно развивать отношения с тайским государством, не вмешиваясь во внутреннюю политику страны. Таиландское правительство в этих условиях усилило сотрудничество с КНР и Российской Федерацией. В ходе выступления Е.А. Фомичева проанализировала, как будут развиваться отношения Таиланда с этими странами, есть ли пределы изменениям во внешней политике страны и каковы эти пределы.

Доклад на тему: *«Японо-американское военное сотрудничество и проблема Южно-Китайского моря»* представил *Е.А. Канаев* (НИУ ВШЭ). Докладчик указал на то, что новые нюансы в политике Японии в отношении проблемы Южно-Китайского моря свидетельствуют о готовности Токио не только активизировать ее направления, но и трансформировать военно-политическое сотрудничество с США в сторону изменения системы коллективной безопасности в АТР с «США – партнеры по альянсам» на «США – Япония – партнеры по альянсам».

В заключение Е.А. Канаев сделал вывод о том, что реализация таких планов приведет к раскоординации приоритетов стран АТР по выстраиванию унифицированного поля сотруд-

ничества на азиатско-тихоокеанском и евразийском пространстве, затруднив наступление «азиатского века».

В выступлении *Н.Б.Лебедевой* (ИВ РАН) *«Индия-АСЕАН: особенности взаимодействий двадцать пять лет спустя и некоторые новые внешние факторы»* были проанализированы итоги и перспективы развития взаимосвязей между Индией и АСЕАН к концу 25-летия, а также основные аспекты взаимной востребованности на двустороннем уровне с отдельными членами группировки (Вьетнамом, Сингапуром, Малайзией и др.). Были показаны новые направления в курсе Н. Моди, такие как «Делай в Индии», «Цифровая Индия», «Умелая Индия» и др., за счет которых предпринимаются меры по расширению сотрудничества с АСЕАН. Особое внимание было обращено на воздействие внешних факторов, приведшее, в частности, и к повышению стратегического партнерства в связке Индия-АСЕАН, с одной стороны. А с другой, обострение ситуации на стыке двух океанов – в ЮКМ – усилило значимость «индийского фактора» и для АСЕАН, и для США в их намерениях активизировать ее вовлеченность в дела региона. Где-то это удавалось, а где-то нет (подписание соглашения LEMOA с Вашингтоном, но отказ от совместного патрулирования и др.).

Подводя итог, докладчик указала, что Индия стремится проводить осторожную политику балансирования, учитывающую реакцию Китая.

Муранова А.П. (ИВ РАН) представила доклад *«Активизация экономической деятельности США в Мьянме после 2011 г.».* В выступлении была изложена хроника введения и снятия американских санкций против Мьянмы, а также основные шаги по нормализации отношений между странами. Докладчик представила статистические данные, которые свидетельствуют о том, что торговые отношения развиваются очень быстро, но большие трудности возникают в сфере инвестиционной деятельности[8].

С докладом *«Инвестиционное сотрудничество Вьетнама со странами региона и мира на современном этапе. Аспекты взаимодействия с Россией»* выступила *Е.М. Аксенова* (Торгпредство РФ во Вьетнаме). Она напомнила, что с момента вступления Вьетнама в ВТО, либерализации экономики и зна-

чительного увеличения притока инвестиций в страну прошло уже 10 лет. Вьетнам продолжает уверенно реализовывать политику региональной и международной интеграции, активизирует всестороннее экономическое взаимодействие и является привлекательным для иностранных инвесторов.

Однако сегодня на первое место встает вопрос: насколько иностранный капитал способен продвинуть Вьетнам в глобальной цепочке создания стоимости, решить ряд внутренних проблем, поднять технологический уровень вьетнамских предприятий.

Проведенный анализ и обзор форм и сфер инвестирования различных стран и регионов во Вьетнам позволил выделить некоторые тренды и особенности.

Вьетнам успешно диверсифицирует формы инвестирования в страну, снижая барьеры для инвесторов, создавая равное правовое пространство для иностранных компаний, модернизируя правовую базу и заключая новые инвестиционные соглашения. Особенный интерес к Вьетнаму по-прежнему проявляют именно азиатские ТНК: корейские, японские, китайские. А в определении стратегии и поведения на рынке Вьетнама решающую роль играет уровень развития и современная экономическая обстановка в стране-инвесторе.

По мере развития Вьетнама все больший акцент иностранные инвесторы делают на внутреннем рынке страны. Особенную активность можно заметить среди государств АСЕАН. Иностранные инвесторы начинают переходить на закрепление на рынке с собственной продукцией.

Помимо положительных аспектов, серьезная активизация во Вьетнаме слияний и поглощений может рассматриваться и как тревожный сигнал: вьетнамский бизнес постепенно переходит в руки иностранных компаний, ограничиваются возможности получения прибыли, а также определения направлений развития, исходя из собственных национальных приоритетов.

По итогам 2016 г. Россия занимает в списке инвесторов во Вьетнам только 23-е место, ключевой сферой инвестиционного сотрудничества по-прежнему остается нефтегазовая отрасль. Несколько парадоксально выглядит тенденция инвестирования Вьетнама в российский молочный сектор (компания True Milk).

Накопленные инвестиции из Вьетнама в Россию в 1988-2016 гг. (2,9 млрд долл. США) превышают российские инвестиции во Вьетнам (1,093 млрд долл. США)[9].

М.С. Зеленкова (РИСИ) представила доклад *«Проработка правовых основ деятельности гражданского общества во Вьетнаме: проблемы и перспективы».*

С докладом *«Вьетнамское литературное зарубежье: новые имена и тенденции»* выступил *А.А. Соколов* (ИВ РАН).

В.А. Андреева (ИЯ РАН) выступила на тему: *«Проект Вьетнамско-русского фразеологического словаря».*

Докладчик особо подчеркнула, что в последние годы во Вьетнаме наметился ощутимый прогресс в восстановлении позиций русского языка, при этом ощущается нехватка современной учебной и справочной литературы по русскому языку. В Институте языкознания РАН создается Вьетнамско-русский фразеологический словарь с культурологическим описанием, отражающий фразеологическую систему вьетнамского языка в сопоставлении с русским языком. Материалом словника словаря являются вьетнамские фразеологические единицы различных типов: идиомы, поговорки, устойчивые сравнения, пословицы, грамматические фразеологизмы, крылатые слова. Разработка словарной статьи включает в себя буквальный перевод фразеологической единицы, пояснения этимологического и культурологического характера, эквиваленты перевода, иллюстративный материал для лучшего понимания особенностей и сферы функционирования фразеологизма.

В заключение В.А. Андреева отметила, что Вьетнамско-русский фразеологический словарь – важный шаг в развитии культурного и гуманитарного сотрудничества России и Вьетнама.

Д.С. Панарина (ИВ РАН) представила доклад *«Новый этап дружественных российско-филиппинских отношений».*

В своем выступлении докладчик указала, что 40 лет дипломатических отношений между Россией и Филиппинами ознаменовались отсутствием пересечения каких-либо интересов, практически полным «не присутствием» в жизни друг друга, в первую очередь, по причине удаленности, а также в силу политических обстоятельств.

С момента разворота России в сторону Южнотихоокеанского региона, «возвращения в Азию» начиная с 2012 г., наблюдается «оживление» дипломатических отношений. Обе стороны проводят регулярные встречи, обсуждают возможности сотрудничества, упрощается режим въезда на Филиппины для российских граждан, налаживается импорт-экспорт товаров. Все эти явления, тем не менее, были весьма незначительны и оставались таковыми вплоть до окончания президентского срока Бенигно Акино III, выборов 9 мая 2016 г. и вступления в должность нового президента Филиппин – Родриго Дутерте.

С июня 2016 г. начинается новая внешняя политика Филиппин, которая подразумевает умеренную дружбу страны со многими государствами, помимо главного и давнего партнера Филиппин – США. Для России это создает ряд новых возможностей, в частности, дает шанс выйти на филиппинский рынок в разных областях.

На данном этапе по результатам встреч и обсуждений на высшем уровне, дальнейшее сотрудничество России и Филиппин видится сторонам через: обеспечение Филиппин российским оружием (сейчас – снайперскими винтовками); сотрудничество на государственном уровне по вопросам безопасности, защиту и совместные военные учения в целях борьбы с международным терроризмом и транснациональным криминалом; охрану правопорядка и морских территорий силами филиппинской и российской береговой охраны; развитие экспорта в Россию сельхозпродукции Филиппин (в основном фруктов) и импорта из России (в основном – зерновых культур). Также перспективными областями являются: развитие туризма и обмена интеллектуальными кадрами; поддержка Филиппин со стороны России в вопросах энергетического развития (в том числе через продажу Филиппинам российской нефти и нефтепродуктов); инвестирование российских капиталов в инфраструктурные проекты Филиппин (транспорт и энергостанции); предоставление Филиппинам статуса во всеобщей системе преференций России.

Интересна реакция филиппинской общественности на новый поворот внешней политики страны и непосредственно на дружбу Филиппин с Россией. По результатам опросов обще-

ственного мнения в начале декабря 2016 г. становится ясно, что, несмотря на то, что уровень доверия к США за последнее время среди филиппинцев несколько снизился по сравнению с показателями сентября 2016 г., он, тем не менее, остается на гораздо более высоком уровне, нежели степень доверия к России или к Китаю.

С докладом на тему: *«Перспективы валютно-финансового сотрудничества Центробанка России и Валютного Управления Сингапура»* выступила *М.Г. Осипова* (ИВ РАН).

После обретения Сингапуром независимости было образовано Валютное Управление Сингапура, выполняющее функции Центробанка в стране. Такое решение было продиктовано нежеланием властей иметь в стране Центральный банк, который мог бы осуществлять денежную эмиссию. Одним из основных положений экономического развития страны была политика максимального сдерживания и недопущения обесценивания национальной валюты. В результате проведения такой политики была построена система, при которой Валютный Комитет выпускал в обращение сингапурские доллары только в том случае, если они были обеспечены. Валютное Управление обладало всеми функциями Центрального банка, за исключением денежной эмиссии.

Центральный Банк Российской Федерации был образован 13 июля 1990 г. И является правопреемником Государственного Банка СССР. Де-юре Банк России был приравнен к Центральному Банку лишь в 2002 г.

По мнению докладчика, сотрудничество между Валютным Управлением Сингапура и ЦБ РФ может осуществляться в такой области, как реформа банковского рынка. Это сотрудничество может быть внешним и внутренним, открытым или и конфиденциальным. Состоялось несколько рабочих совещаний, о которых известно только то, что проходили консультации о возможности сотрудничества в сфере безопасности.

Как особо отметила М.Г. Осипова, при проведении своей денежной политики Валютное Управление Сингапура использует совершенно особый метод – информацию о валютном рынке: такая информация является решающей, ибо валютный курс является основным рычагом политики Управления.

В заключение М.Г. Осипова отметила, что в условиях проведения против нашей страны санкций со стороны США и стран западного мира, в том числе и в банковской сфере, сотрудничество с Сингапуром в этой области представляется выгодным и конструктивным.

Доклад *Симония А.А.* (ИВ РАН) *«Роль Китая в миротворческих процессах Мьянмы»* был посвящен одной из самых наболевших проблем страны, требующей неотложного решения – усмирению сепаратистского движения национальных меньшинств. Вооруженное сопротивление этнических повстанцев длится с момента обретения Бирмой независимости в 1948 г., т.е. уже почти 70 лет. Периодически между правительством и отдельными этническими вооруженными формированиями подписывались соглашения о прекращении огня. Перед пришедшим к власти гражданским правительством встал вопрос о подписании перемирия со всеми мятежными армиями, и в частности с Северным альянсом, в который входят четыре вооруженные сепаратистские группировки.

Далее докладчик отметила, что для Китая установление мира в приграничных северных районах Мьянмы имеет особую важность как в политическом, так и в экономическом плане в его стратегии на будущее. На протяжении всех прошедших десятилетий Китай всегда, в той или иной степени, был причастен к событиям в приграничных районах Бирмы/Мьянмы. После прихода к власти правительства Аун Сан Су Чжи миротворческая деятельность Китая по урегулированию военных конфликтов на севере Мьянмы еще более активизировалась. В конце 2016 г. состоялась серия китайско-мьянманских переговоров на высоком уровне. Китайская сторона даже предложила г. Куньмин (Юньнань) в качестве нейтральной территории для переговоров миротворческих сил с повстанцами. В обмен Китай рассчитывает на реанимацию замороженных экономических проектов на территории Мьянмы[10].

Д.В. Мосяков, подводя итог конференции, выразил глубокую благодарность всем выступающим за высокий уровень представленных докладов, вызвавших широкую научную дискуссию участников конференции.

[1] Подробнее см.: Мосяков Д.В. Парадоксы развития стран АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 18-23.
[2] Подробнее см.: Рогожин А.А. Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы // // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 26-31.
[3] Подробнее см.: Рогожина Н.Г. «Мягка сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 24-33.
[4] Подробнее см.: Локшин Г.М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС) – иллюзия или отвлекающий маневр? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 40-60.
[5] Подробнее о ПЕТРОНАС см.: Рубан Л.С. «ПЕТРОНАС» – энергетический лидер
Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 227-237.
[6] Подробнее см.: Другов А.Ю. Индонезия: реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 115-130
[7] Подробнее см.: Петрова О.Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 131-146.
[8] Подробнее см.: Муранова А.П. Мьянма: активизация экономической деятельности США, 2011-2016 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 170-183.
[9] Подробнее см.: Аксёнова Е.М. Тенденции инвестиционного сотрудничества Вьетнама со странами региона и мира на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 188-208.
[10] Подробнее см.: Симония А.А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017) с. 171-187.